

Ксандр
Лайсе

МОЯ
ЛЮБИМАЯ
СКАЗКА

Skleněný můstek 2014

Ксандр Лайсе

Моя любимая сказка

ISBN 978-80-87940-22-8

**SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2014**

Содержание

Вместо предисловия

Глава 1

Глава 2

Глава 3

Глава 4

Глава 5

Глава 6

Глава 7

Глава 8

Глава 9

Глава 10

Глава 11

Глава 12

Глава 13

Глава 14

Глава 15

Глава 16

Художественное оформление © Святополк 2014

©Все права автора охраняются законом об авторском праве.
Копирование, публикация и другое использование произведений
и их частей без согласия автора преследуется по закону.

Skleněný můstek s.r.o. Vítězná 37/58, Karlovy Vary PSČ 360 09
IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

Вместо предисловия

У входной двери – сгорбленная старушечья спина. Со стороны может показаться, будто старуха смотрит в глазок. Но когда старуха поворачивает голову, словно прислушиваясь к чему-то, происходящему снаружи, становится заметно, что её глаза закрыты. На бледном сухом лице появляется улыбка, и вдруг, не глядя в глазок, она начинает щелкать замками. Хотя никто так и не позвонил. Дверь распахивается. На пороге – молодой парень в свитере и кожаном пиджаке. Он даже вздрагивает от неожиданности, и с его плеча на пол соскальзывает спортивная сумка.

– Здравствуйте, – голос у парня низкий, уютный, но какой-то грустный, – Вы – Клавдия Васильевна?

– Она самая, – голос старухи похож на её лицо: такой же сухой, ломкий.

– Я вам звонил...

– Знаю, – старуха говорит недобро и как-то нетерпеливо.

– Мне, – парень стушевывается, – Я раньше с такими вопросами ни к кому...

– Знаю, – прерывает его старуха, – Глеб тебя зовут. Насчет своей девушки, Ярославы пришёл. Все помню, из ума пока не выжила.

– Мне говорили, вы просто чудеса творите...

– Чудеса? – старуха смеется. Сухой, щёлкающий смех, – Раньше за такие чудеса где на кострах, а где в банях жгли... Ну, чего смотришь?! Заходи.

Глава 1

Бабье лето. А почему именно бабье? Причём тут вообще бабы? Ни при чём, наверное... Вот и по радио – с поразительной актуальностью запустили одноимённую песенку Владимира Семёновича.

Всем хорошо – тепло, а не жарко. Комары и прочая крылатая паконость остались в июле, осенних дождей пока ещё не предвидится. Опять же, туристы сократились. Видимо, решают, в чём ехать: шорты уже поздно, куртки – рано. Хотя, если бы мне довелось выби-

рать, когда отправляться в путешествие, я бы выбрал именно начало сентября... Но я-то с опытом... И потом, я вот столпотворения не люблю, а кому-то может быть так уютнее. Как человек толпы. Но тот придуманный был. А в жизни они бывают? Наверное... Как и отшельники. Идиоритмики, так сказать...

Чёрт! Ну, сколько ж можно садиться в трамвай?! Вроде бы час пик закончился, а на дороге – бог знает что! Ну, вот куда ты на своей «таврии»?!

Как летом хорошо было! Пробочки – такие чисто номинальные. Все по отпускам, по дачам-заграницам. А теперь пока до дома доедешь – часа полтора постоишь. Ладно бы ездить уметь... Этот дед на «таврии», он же права при Николае Втором получал, наверное! А туда же...

Поток невесёлых мыслей прервала вибрация в нагрудном кармане. «Звонят, паразиты! Как вовремя!» – у перекрёстка почти синхронно со звонком нарисовалась фигура с полосатой палкой. Несколько секунд я раздумывал, припарковаться и поговорить, или плюнуть на всё и гордо прокатиться с телефоном мимо инспектора. Но тут пробка впереди неожиданно сделала вид, что она – бодрый автомобильный поток, и выбирать мне, собственно говоря, не пришлось.

– Миша? – Поинтересовались из трубки. Владимир Леонидович. Начальство, значит. И что, интересно, начальству от меня ещё надо? Жаловаться на меня сегодня вроде бы не за что. Гид последней группы даже спросила, где мне благодарность написать можно – так понравилось. Последние. Вот я и разошёлся. Только благодарность на хлеб не намажешь...

– Да, Владимир Леонидович?

– Миш, только что... В общем, Рома от нас уходит. Ты возмёмся писать его Чертолье с модерном и Замоскворечье?

О как! А чего это Рома вдруг? Сам? Или? Нет. При такой маме, как у Ромы, не уволят. Значит, сам... А меня – в методисты – за какие заслуги?

– Алло, Миша? Вы меня слышите?

– Разум... Разумеется, Владимир Леонидович, – голос, естественно, сразу соскочил в какие-то фальцеты, и мне пришлось закашлять-

ся на середине слова. – С удовольствием. А какой срок?

– Срок? Как и у Романа – к октябрю. Справишься? Твои экскурсии пока перекинем на...

К октябрю! Это значит, что в ближайший месяц у меня есть надомная работа, которую можно сделать одной левой, море свободного времени и зарплата за два новых маршрута!

– Буду стараться, – соврал я абсолютно счастливым голосом.

– Отлично. Аванс получишь во вторник. Устроит?

– Абсолютно.

– Тогда до встречи.

От переизбытка чувств я немедленно выронил мобильник, ринулся было его искать и только потом сообразил, что делать это во время езды – не самая лучшая идея. Ну и пусть его! Найду на светофоре. По радио потянулось что-то старое и мелодичное: «Il est un jardin enfoui au creux de ma memoire...»

Как же хорошо жить на свете! Конечно, Рома увольняется. Ну, и что? Не я же его выгоняю? Его, скорее всего, вообще никто не выгоняет: просто любящая мама подыскала милому сынуле ещё более уютное местечко... с ещё более приличной зарплатой. Да ну его! Какая разница! Сам позвонит, если что. Эх! Жизнь прекрасна и удивительна, как говорил один киногерой!

Даже очередная пробка возле кинотеатра «Родина» оказалась неспособна испортить моё настроение. Тем более, что дальше пробок не будет: на проспекте они только часов в шесть и то небольшие, а на моей Восьмой – и подавно!

Помню, когда я оформлял на себя отцовскую «пятёрку», кто-то мне говорил: «Да зачем тебе машина?! В пробках стоять? Ты ж на метро в сто раз быстрее доберёшься!» Может, и в сто раз! Да хоть в тысячу! Прямо представляю себе, как я еду в метро, а в это время Владимир Леонидович набирает мой номер, хмурит брови на «абонент временно...» и со вздохом начинает набирать какого-нибудь Цейтманберга, который, конечно, окажется на связи и с удовольствием... Нет! К чёрту метро! Лучше уж по пробкам!

С этим победным пассажем я и выехал на проспект. На остановке возле «Чайки», как и почти в любое время суток, колготилась

небольшая толпа народу – рабочие с завода «Салют». Мало того, что они все после смены полумёртвые, так им сейчас ещё в автобус лезть... По случаю удачи, меня, похоже, накрыла волна сострадания ко всему человечеству сразу. Вон там – на тротуаре – две женщины с сумками. Явно тоже со смены. Ведь наверняка обе замужем, с детьми, а сумки дотащить до дома – некому...

Или вот, например, девушка... Эта, конечно, вряд ли со смены – слишком весело шагает – но пакеты в руках тоже тяжёлые, видно. Аж целых два. И что ей автобуса не подождать? Хотя там же не толкнёшься... А пакеты – ведь они и не выдержать могут – что тогда?

Будто услышав мои мысли, ручки одного из пакетов, и правда, не выдержали. Всё его содержимое – книги – оказалось на асфальте.

На этом не выдержала и моя совесть.

Девушка сидела на корточках и пыталась собрать книги в то, что осталось от пакета. Сквозь тонкий полиэтилен другого, стоящего теперь рядом на тротуаре, проглядывали помидоры, абрикосы и ещё что-то невнятное, вроде сосисок. Студентка, наверное.

Я наклонился и поднял довольно увесистую, несмотря на небольшие размеры книжку. «Мир Софии» Юстейна Гордера. Интересно...

– Спасибо!

Я поднял глаза. Девушка, оказывается, уже собрала все книги, кроме этой, соорудив из порванного пакета подобие кулька, поднялась на ноги, и теперь, улыбаясь, смотрела на меня.

– Не за что... – девушка не отводила взгляд. Несколько секунд я пытался сообразить, чего она хочет. А она всё так же смотрела на меня. Высокая, может, только чуть пониже меня, стройная, светло-волосая... Мне показалось, что она вся, от своей тонкой длинной тени до зелёных глаз, отражающих свет заходящего солнца, – вся она словно отлита из солнечного света! Тонкая солнечная скульптура на дороге...

Всего несколько секунд неподвижности. Девушка протянула руку.

– Михаил... Миша – слегка смущённо сказал я, пожимая руку. Девушка удивлённо посмотрела на меня и засмеялась.

– Ярослава. Яра. Но книжку вы мне всё-таки верните, – она снова засмеялась. А мне от этого стало так легко и светло, что остатки

смущения немедленно куда-то провалились, застыдившись самих себя. Вместо этого появилось такое ощущение, будто я знаю эту девушку всю свою жизнь, и сейчас остановил машину только для того, чтобы подбросить до дома хорошую подругу.

– Нравится Гордер? – я встал, поднял её сумку с продуктами, сообщая, что делать дальше: предложить подвезти?

– Нравится. Очень нравится, только я нигде не могла «Софию» найти. Слишком давно вышла, говорят. Вот, нашла, наконец, – она снова улыбнулась.

– Мне тоже. «Апельсиновую девушку» читали?

– Ага. Конечно. И «Дочь циркача» тоже.

Подвезти, подвезти! Если она шла пешком, значит, живёт недалеко. Иначе стояла бы на остановке.

– Знаете что? Давайте, я вас подвезу. Мне тут рядом – на Восьмую Соколиную, но вам-то, я думаю, тоже рядом?

Улыбка с её лица сразу же куда-то ускользнула, хотя через мгновение и вернулась обратно, но была немного грустной.

– Мне тоже на Восьмую, новый дом, знаете? Но... Подвозить не надо... Извините...

– Новый дом? Четвёртый? Так мне туда же! Двести девятнадцатая квартира! Садитесь! – я уже повернулся к машине. Девушка улыбнулась.

– Так мы совсем-совсем соседи! Я от вас через площадку живу. Двести двадцать первая.

– Тем более! Садитесь! Правда, это не «Лексус», конечно, но, как говорится, чем богаты...

– Нет, не надо... Спасибо вам огромное, но... Нет, – каждый раз, когда я заговаривал о том, чтобы подбросить её до дома, девушка вдруг становилась серьёзной и чуть грустной.

– Почему? Я же не маньяк, не кавказец, вы мой адрес знаете...

– Ну... Понимаете, я стараюсь не ездить на машинах... – она поёжилась и плотнее прижала к себе книги.

– Так вы что же, всё время пешком ходите? – улыбнулся я.

Ярослава, словно смутившись, опустила глаза и промолчала.

– Не в свое дело лезу? – попытался я исправить ситуацию.

– Ну... Есть. Чуть-чуть, – она снова посмотрела на меня и – куда

только девалось смущение! – ласково улыбнулась. Солнечно улыбнулась.

– Бога ради, извините! Ну, давайте, я хоть вещи ваши доведу. Тяжело же ведь!

В ответ она только молча покачала головой и протянула руку. Прощаться? Да нет, не прощаться...

– Извините, Ярослава... Яра... Я вас не хотел обидеть...

– Пустяки, – она улыбнулась – Вы мне лучше моего Гордера верните, – она кивнула на книгу, которую я всё ещё держал в руках, – И продукты тоже... давайте их сюда, а то в холодильнике – степь да степь кругом.

Я отдал ей сумку и книгу. Она, не говоря ни слова, развернулась и так же легко, как раньше, зашагала по асфальту. Словно и не было в ее руках тяжелых сумок – так легко она ступала.

А я... Несколько секунд я просто стоял и смотрел ей вслед. Догнать ее? Бросить машину и донести ей сумки? Нет... Нет? Внутри у меня стало тепло, словно от коньяка. А ведь я в неё кажется, влюбился. Только она в этом вроде и не нуждается. Тут – видимо, я опять подумал слишком громко – девушка, будто желая переубедить меня, оглянулась и посмотрела на меня. И улыбнулась. А если все-таки..?

Несмотря на то, что праздники уже прошли, почти все столики в кафе были заняты. На окнах по-прежнему красовались серебристые и фиолетовые пушистые гирлянды, с которых свисали ёлочные шары: по традиции, их снимут, наверное, только к майским праздникам. Эти нехитрые украшения и густой снегопад, совсем уже скрывший от глаз противоположную сторону улицы, создавали впечатление, что новый год не наступил три недели назад, а всё ещё наступает здесь и сейчас – в полумраке зала, в язычках свечей, горящих на каждом столике, в отражениях и бликах, блуждающих на стенках высоких стаканов.

А по ту сторону окна водители, проклиная снег, стояли в длинной очереди машин, заполнившей уже, должно быть, всю Дмитровку до самого Страстного. Но даже мигание аварийных сигналов и поворотников, даже жёлтый свет противотуманных фар, играющий на оконном стекле, не разрушали таинственное новогоднее на-

строение – наоборот, делали этот снежный день в середине недели ещё более сказочным.

Всё, что творилось за окном, походило скорее на немое кино, чем на реальную жизнь; оконная рама и зимние чёрно-серо-белые цвета только усиливали эту иллюзию. Можно было решить, что вместо окна натянули экран, на котором возникают первые кадры какого-то старого фильма. Неужели только я смотрю этот фильм? Впрочем, и остальные посетители, хоть и не смотрели в окно, против обыкновения старались не шуметь, говорили тихо и почти не звенели посудой. Возможно, их тоже коснулась новогодняя тайна? Очень может быть! Сегодня она, случайно оказавшаяся в этом кафе, наполовину призрачная, наполовину – реальная, прохаживается между столами и одним лёгким прикосновением возвращает всем то, что они давно уже потеряли – мечту о чём-то далёком, прекрасном и недостижимом. И щемящее счастье от того, что сегодня – в этот абсолютно случайный день – оно оказалось рядом. Совсем ненадолго. Ровно на полчаса, необходимые для того, чтобы съесть свой ланч.

Всего-то и надо: суметь почувствовать, увидеть её! Вот она подходит к столику возле арки, ведущей во второй зал. Стула три, но за столиком уже сидят двое. Судя по их виду, – куртки на меху, тёплые сапоги – они, скорее всего, из какой-нибудь съёмочной группы: всё то, что носили лётчики двадцатых годов, теперь донашивают киношники.

«Лётчики» даже не замечают её. Какое может быть волшебство, какая сказка, когда обсуждаются сложные творческие вопросы? Она уже собралась пройти дальше, когда один из кинематографистов, наконец, обращает на неё внимание. Он что-то говорит, предлагает ей присесть, но... Она отрицательно качает головой и грустно улыбается: он не заметил её тогда, в ту единственную секунду, когда это было важно! Теперь – уже всё равно.

Она окончательно отворачивается от их столика и, пообедав взглядом зал, смотрит прямо на меня. Я сижу один у самого окна, за столиком на двоих. Я молчу, но внутри меня всё просто взрывается криком! Он бежит по моим венам и аортам, повторяя: «Да! Это я! Мне, мне нужна сказка! Сказка, которая никогда не кончится!»

Тогда она, каким-то образом услышав мой беззвучный крик, улыбается мне. Сначала – только глазами, но потом улыбка зацветает и на лице. Где-то в баре начинает играть музыка: «Un jardin bleu dans le matin, ou ont pousse des iris noirs...»

Она идёт к моему столику. Столику на двоих у самого окна.

– Привет! Здесь свободно?

Она одета в спортивную куртку, я точно знаю, что вязаная шапочка с ушками скрывает длинные светлые волосы. Свеча, горящая на соседнем столике, на секунду отражается в изумрудных глазах.

– Привет! Конечно. Присаживайтесь.

Сняв шапочку и куртку, она садится напротив меня. Так и есть, у неё действительно длинные светлые волосы. На ней толстый свитер с высоким воротом. Я замечаю у неё в руках бокал с чем-то вроде глинтвейна. Видимо, она взяла его в баре и отправилась искать место.

– А почему на «вы»? – она обеими руками подносит к губам бокал. Смотрит в окно – По-моему, тут самое лучшее место, чтобы смотреть кино! – она бросает на меня взгляд и улыбается.

– На «вы»? Ну... Машинально... Мы же не знакомы... – отчаянно вру я.

– Ах, так? – она смеётся – Тогда позволь представиться: Ярослава! Но лучше – просто Славка.

– Славка? – я, конечно, знаю, что её зовут Ярослава, но такую модификацию имени я не предполагал. – Я Михаил... Миша. А почему Славка?

– Мне так нравится! – она сказала это с такой интонацией, что в конце фразы я ожидал услышать «дурачок». – Так ты тут кино смотришь?

– Какое кино? – снова вру я с удивлённым видом.

– Посмотри. Видишь? Окно – это экран. А всё, что за окном – и есть кино. Сегодня, вот – фильм про снегопад над большим городом! Подожди... – Славка замолкает и принимается искать что-то в кармане куртки. Наконец она достает зажигалку и подносит её к свечке на столе.

– Сегодня мне кажется, что фильм старый, ещё чёрно-белый... – говорю я, глядя на пламя свечи.

– Точно! Все хорошие фильмы – старые. Чёрно-белые, а некоторые – ещё немые. – Славка жмурится, словно кошка, и отпивает немного глинтвейна.

– Знаешь, по-моему, мы уже встречались... – решаюсь я.

– Очень может быть, – Славка улыбается, а в глазах у неё трепещут две свечки, – Ну, и что? Если и не встречались – теперь-то уж точно встретились. А случайностей в этом мире нет...

«Случайность – псевдоним бога» – произносим мы хором и оба смеёмся. Над чем? Над совпадением? Друг над другом? Над этим миром? Просто смеёмся. От счастья.

Снегопад усиливается. Теперь в окно не видно даже улицы: стекло до половины замело снегом, а там, где должно быть видно небо – видны только проносящиеся хлопья. Столик с горящей свечой оказался островком, отрезанным от всего на свете непроходимой стеной снега.

– Мне ещё один писатель нравится... Только как зовут – забыла!

– извиняющимся тоном говорит Славка. – Как же... Как отрезало!

– Гордер, – подсказываю я, – Юстейн Гордер.

– Точно! – но довольная улыбка на её лице сменяется настороженным выражением – А ты откуда знаешь?

– Ну, я же говорил, что мы уже когда-то встречались – улыбаюсь я. Славка улыбается в ответ.

– Я одну его книжку очень хочу найти – «Мир Софии», а её нет нигде. Ни в одном магазине. Что-то странное... Вот и сегодня – зашла в книжный – вон там, на углу – и там нету. А потом – снегопад... Это кафе...

– Тсссс... – сказал я удивлённо посмотревшей на меня Славке – Вот об этом я знать не хочу.

– Почему?

– Потому, что сказка не должна закончиться.

Она посмотрела на меня так, словно поняла, что я имею в виду. А может быть поняла?

– Расскажи мне что-нибудь, – попросила Славка.

– Что? – не понял я.

– Ну, что-нибудь.

– Хорошо...

И я стал рассказывать про Дмитровку. Про то, что под улицей проложен древний подземный ход, который вёл от одного из дворцов Ивана Грозного к Страстному монастырю, что стоял на месте нынешнего бульвара. Из-за этого на улице иногда проваливается земля. Говорят, что где-то в стенах этого тоннеля Иван Грозный прятал свою библиотеку, а ещё – и не одного опального боярина. А когда...

– Мишкин, ты экскурсовод? – спросила Славка, когда я закончил.

– Почти. Я составляю маршруты экскурсий и пишу то, что экскурсоводы потом рассказывают туристам.

– С тобой хорошо, – сказала Славка и, будто бы случайно, прикоснулась к моей руке, – Только мне пора.

– Уже? – сказка заканчивалась, да что там, разваливалась на части! – Может, тебя подвезти? – только спросив, я сразу понял, какую глупость сморозил.

– В другой раз, – пообещала Славка, надевая куртку.

Я встал из-за стола и вдруг ощутил, что просидел за ним несколько часов. Славка уже надевала свою шапочку с узорами.

– Ну, пока? – сказала она и поцеловала меня в щёку – До скорого!

– Подожди! – едва ли не крикнул я вслед Славке. Она обернулась, и мне показалось, что там, за стеклянной дверью на улице тоже горят свечи. – Разве ты не боишься машин?

Она удивлённо посмотрела на меня:

– Машин? А почему я должна их бояться?

Глава 2

Страшно затекла спина. Всем хороша надомная работа, только – поди, объясни это своему позвоночнику. Сколько я сегодня уже просидел? Часов шесть – точно.

Я потянулся, и в спине что-то угрожающе хрустнуло. Замечательно. Я мрачно посмотрел на экран, где аккуратные ряды букв почему-то никак не хотели превращаться в такие же ровные и аккуратные ряды домов, церкви, монастыри. Надомная работа. Ты полностью представлен сам себе: вставай, когда хочешь, делай, что хочешь, условие

одно – вовремя сдавай продукт. А именно сегодня – за шесть дней до сдачи – мы с продуктом пришли в полный и окончательный тупик.

Даже странно: казалось бы, вот оно, всё есть – и маршрут, и текст... Ни одного сарая не пропустил – и под каждым под кустом творилась какая-нибудь часть нашей истории. Но – всё равно. Такое чувство, что все листы пустые. Листы.

Странно: Ярослава живёт совсем рядом – только перейти через площадку – а сколько я её не видел? Почти месяц? Да. Почти месяц. Жить так рядом и не столкнуться... хотя я за последний месяц из дома-то почти не выходил. Только пару раз доползал до ночного магазина. Вот она, надомная работа.

Я покосился на окно – пасмурно, темнеет рано. Листики ещё кое-где дрожат на ветках, сухие и бессмысленные, как и мои... Серо и сыро. Гадость, конечно, но раскисать сейчас нельзя!

Вот, например, улица Пречистенка... Точнее – Большая Чертольская. Пречистенкой она стала только в 1658, а это – ещё XVI век, дорога к Новодевичьему монастырю. Палат белокаменных пока ещё на ней не видно; в горочку, сразу за земляным валом, поднимаются только деревянные дома, какие – совсем уж неказистые, некоторые – побогаче, с большими дворами, тяжёлыми воротами на кованых петлях. Большой Посад...

Солнечное утро рассыпалось по улице радугой мелких капель росы. Вот куры, опасливо поглядывая на дремлющего под воротами пса, прохаживаются по траве.

Мужик в поношенной рубаше и новеньких, но уже грязных, портах, выходит из ворот напротив с лотком, накрытым тряпкой, и по улице сразу же разливается запах горячих пирогов. В город торговать пойдёт.

Чертолье – ещё не Москва, Большой Посад.

Девушка в обыденном сарафане прошла с коромыслом на плече.

Со стороны вала проскакал всадник в ярком оранжевом кафтане – нарочный; стук копыт разбудил пса, и он, потянувшись, несколько раз глухо твякнул на успокоившихся было кур. Со стороны монастыря со скрипом показалась телега, нагруженная горшками, корчагами и прочей гончарной утварью.

Два мужика – скорее всего, отец и сын – идущие рядом с телегой,

одеты в армяки: видно, поднялись ещё по холодку, затемно. Лица у обоих красные, потные, но армяков не снимают. Беседуют о чём-то.

Босоногий мальчишка пробежал мимо, споткнулся, чуть не упал под копыта лошади гончара и немедленно заработал от него подзатыльник. Младший из мужиков что-то спросил, мальчишка громко, но неразборчиво ответил – ясно было слышно только «батюшка» и «храма Афонасия-Кирилла». Понёсся дальше. Послышались звуки дудки – где-то вверх по улице заспавшийся пастух собирал стадо.

Вот оно! Настроение. Самое главное для меня – не столько передача информации, сколько настроения, духа времени. Информацию в наше время можно и в сети найти – там этого счастья полно. А рассказать так, чтобы экскурсант себя прямо в средневековые ощутил – вот это искусство! Там ему уже можно и про аркатурно-колончатые пояса, и про соляные бунты, и про нездоровое количество жен Ивана Грозного – всё поймёт, всё прочувствует.

Просто должна быть какая-то зацепочка для него, ключик от двери в минувшие века. Что-нибудь понятное, но неожиданное, какая-то мелкая деталь... Например, что в XV веке не пили чай, что не было картошки и помидоров... Что если женщина прилюдно снимала с мужчины пояс, его честь была безвозвратно утрачена... Что хлеб ломали, но ни в коем случае не резали – это считалось почти святотатством...

Именно такие короткие, не имеющие особого значения подробности и оживляют всё, что рассказывает экскурсовод. Только тогда его рассказ завораживает, его начинают слушать, как слушали в былое время гусяров и сказителей, поддаваясь очарованию древней былины, в которой герой-богатырь, оскорблённый князем, не в силах жить дальше, убивает себя. А слушатели, обычные крестьяне, забывали о том, что согласно православной вере это – чудовищный грех. Они все были там, в том времени, когда о подобных поступках слагались песни... когда их считали благородными.

Так и сейчас турист, вернувшись с экскурсии, не вспомнит через день даже имя экскурсовода – что уж говорить об авторе текста – а лицо какой-нибудь девушки с коромыслом, пригрезившейся ему во время рассказа останется в памяти навсегда.

Я откинулся на спинку кресла. Снова перед глазами возникла девушка, идущая к колодцу... На ней простой сарафан из грубой ткани, туго повязанный – так, что не видно волос – бурый убрus... И очень знакомое лицо... Изумрудные глаза...Ярослава...

Почему же я ни разу не зашёл к ней? Не было повода? Да нет, повод, наверное, я смог бы придумать. Это всё – обычная нерешительность. И мысли о том, что такая девушка вряд ли будет одна. Хотя, если бы у неё кто-то был, не стала бы она сама таскать продукты из магазина.

Но прошёл почти месяц. За это время она могла уже десять раз найти, встретить... Интересно, что же получается? Я надеюсь, что она кого-то себе нашла? Получается, надеюсь... А если она всё это время ждала, что я зайду? Повод-повод... Просто так, без повода, просто приду и скажу: «Привет, я долго искал повод, чтобы зайти, а потом решил зайти просто так!»

С другой стороны, было много работы... И что? Не так уж много было у меня работы! В конце концов, если она не хочет меня видеть, то лучше об этом узнать от неё самой, чем убеждать себя в том, что это был минутный порыв, и три недели подряд видеть её в каждой девушке с коромыслом! Шутки подсознания, понимаешь!

Без двадцати пять.

Встал. Собрался-собрался. Пошёл!

У двери я остановился. Внезапно я осознал, что на мне протёртые в самых неожиданных местах джинсы, домашние тапочки и залитая чаем футболка. Маньяков, звонящих в дверь под предлогом попросить соли, обыватели представляют себе именно так.

Как оказалось, у меня очень много одежды. Ещё минут двадцать я потратил на исследование содержимого своего шкафа, и даже начал осознавать смысл легендарного «нечего надеть», как вдруг я понял, что именно сейчас, в эту самую минуту, она, может быть, тоже собирается куда-то, и если я промедлю хотя бы ещё мгновение, то не застану её... Вообще не застану!

Без особых рассуждений я облачился в наиболее приличные джинсы, выудил из немедленно рухнувшей с вешалки груды рубашек

первую попавшуюся – какая разница, все чистые – и устоялся на тапочки. В конце концов, что я, на бал собираюсь?! И так сойдёт!

Однако у дверей своей квартиры я снова остановился. Мысль о том, что она собирается уходить, не оставляла меня. Вдобавок, внутри заскреблось очень противное чувство, знакомое ещё по институту: стоит прогулять одну пару, как пойти на следующую по тому же предмету становится как-то неудобно. И чем дальше, тем это «неудобно» становится всё сильнее и сильнее – такая смесь стыда и лени. Вот и сейчас я подумал, что зайти к Славке в первую неделю после встречи мне было бы куда легче. Да, не очень удобно, но легко... Теперь же мне кажется, что я прогулял все мыслимые пары по этому предмету, но со всей наглостью требую, чтобы мне поставили зачёт...

Мысли прервал тихий щелчок замка. Она? Значит, всё-таки, собиралась уходить! Коленки почему-то задрожали. Если бы мне пришлось говорить, голос обязательно сорвался бы в фальцет. Я прилип к дверному глазку.

Дверь начала открываться. В холодном казённом свете люминесцентных трубок блеснули цифры жёлтого металла: «2, 2, 1».

Однако в проёме из тёмной прихожей появилась вовсе не стройная фигура Славки, а скрюченная спина, обтянутая брезентовым плащом и замотанный в платок затылок. Какого чёрта?! Похожая на клешню рука потянула дверь. Жутким гнусавым голосом кто-то внутри проорал: «...Но опоздал мой самолёт: бабушка Симона внучку в школу ведёт!» Какого чёрта?! Покопавшись в кармане, жуткая фигура вдруг словно бы сложилась пополам и той же клешнеобразной рукой сунула что-то под коврик у двери.

Я отшатнулся от глазка и потёр лоб. Сон? Нет, не сон. Когда я снова припал к двери, старухи уже не было видно. Зато послышался звук закрывающихся дверей лифта.

Уехала, уехала... В голове не было ничего, кроме этого слова. По-моему, я даже беззвучно повторял его, когда отпирал дверь.

Продолжая повторять его про себя, я пересёк площадку, нагнулся и откинул угол коврика. Среди серых мусорных песчинок на полу лежала маленькая золотая петелька. Женская серёжка. Золотая серёжка со светло-зелёной капелькой из какого-то камня. Хризолит?

Руки, по-прежнему, тряслись... Да что руки! Поначалу меня всего просто колотило! От неожиданности? Скорее да, чем нет... «Когда я уже не голубкой сверкающей белой, а чёрной старухой в окошко твоё загляну...» – крутилась в голове неизвестно откуда выплывшая строчка.

После стакана холодного чая мне стало легче. Трясти уже нигде не трясло, мысли стали внятными. Почему Славка не может жить с какой-нибудь родственницей? Ещё как может. Например, с бабушкой Яра живет. Почему бы ей, в самом деле, не жить с бабушкой? Или с тёткой? И почему старушка не может быть выжившей из ума? Еще как... еще как может. Вполне может сунуть сережку под половик. Они еще и не такое вытворить могут в таком-то возрасте.

Тётка, бабка – это, конечно, хорошо... Только с чего вдруг я так перепугался, а? Вспоминая шаркающую сгорбленную фигуру, я не мог вспомнить ничего, что могло бы хоть в какой-то мере пугать. Старуха, как старуха. Повстречай я её на улице...

Ну да, всё дело в неожиданности. Когда ждёшь встречи с прекрасным и светлым – меньше всего ожидаешь повстречать вот такое!

Помнится, у кого-то из западных писателей был рассказ, как некто, придя на киносеанс, вдруг оказался на концерте марширующего оркестра, состоящего сплошь из полных домохозяек с небритыми ногами. Играли они, разумеется, отвратительно. Собственно, чем заканчивается рассказ, я не помню, но вот эпиграф: «Моему другу, чуть не умершему из-за подобного»¹, кажется – сейчас пришёлся бы очень к месту!

Дома казались сделанными из мороженого: горячий воздух дрожал, и стены в этом дрожании оплывали, как пломбир на солнце-пёке.

Солнце уже почти закатилось и теперь уже просто играло, перебирая лучами, с мешаниной крыши и скверов, словно тонкие горячие пальцы гладили город по раскалённой голове.

Земля в тени старого школьного здания тоже была горячей, но здесь было чуть прохладней. Я уселся, скрестив ноги, прямо на зем-

¹ Имеется в виду рассказ «Оркестр» аргентинского писателя Хулио Кортасара.

лю и откинул голову назад. Небо было бело-голубое, выцветшее, словно застиранное детское одеяло. А прямо передо мной сверкали, переливались, сталкивались и вновь растекались золотисто-оранжевым озером бесконечные крыши.

Две монахини, похожие на пару голубей, неодобрительно посмотрели на меня, но, так ничего и не сказав, отправились по своим таинственным чернецким делам. Через несколько мгновений за моей спиной в надвратной звоннице ударил колокол.

Оказалось, что колокольный звон, густой и жаркий, прекрасно сливается с горящим на крышах солнцем. Движения их стали спокойней, ровнее. А спустя несколько мгновений стало ясно, что ждали они именно этих звуков и теперь качаются под тугое пение колокола!

Я слегка прикрыл глаза. Так и есть: крыши танцевали. Потом к ним присоединились мелкие, но куда более яркие искры окон, и вместе они стали кружиться всё быстрее и быстрее... И начали подниматься вверх. Теперь чтобы смотреть на них, надо было лечь на спину...

Кольцо кружащихся огней стало звонким и тонким, шитым из золота поясом... Нет, оправой. Оправой зеркала. Я заглянул в него, но вместо отражения увидел только лицо Славки.

– Привет! – улыбнулась мне Славка.

– Привет-привет, – отозвался я, не открывая глаз.

– Что ты делаешь?

– Прокладываю маршрут, – сообщил я, изображая серьёзность.

– Куда?! – смеясь, спросила она.

– По Чертоль..., – я открыл глаза и сел, – По Чертолью..., – немного опешив, повторил я. Славка, по-прежнему, смотрела на меня.

– Мне нравится, – сказала она, – как ты прокладываешь маршруты. Можно с тобой? – не дожидаясь моего, ответа она села рядом. Какое-то время мы молча смотрели на крыши.

– Славка...

– Что?

– А ты-то что тут делаешь? Надеюсь, не в монахини подалась?

– Нееет! – Славка, опустившая было голову на поднятые колени, посмотрела на меня, – Я иногда приезжаю сюда посмотреть на

старый город.

– Вообще-то я смотрел на крыши и заснул. Крыши и колокол.

– Крыши и колокол? – Славка взглянула на меня снова, – А хочешь, я покажу тебе призраков?

– Призраков? Тут живут призраки?

– Призраки живут везде. Вопрос только в том, когда...

Крыши уже погасли, последние окна уже не казались лужами расплавленного золота – так, остывающие угли...

– Пойдём! – Славка легко поднялась и взяла меня за руку, – Пойдём скорей! А то всё пропустим!

Сумерки упали на улицу за воротами монастыря, тонкой мукой повисли в воздухе, расплескались тушью по подворотням. Я обомлел...

– Смотри! Ну? Видишь? – Славка с гордостью обвела рукой открывшееся нашим глазам зрелище, словно сама только что всё это создала, – Видишь?

Все краски будто смешались, как бывает с негативом цветной фотографии! В сумерках всё стало... Немного другим, чужим, но не злым – тёплым, уютным, и чуть-чуть незнакомым. Словно переулок и улица были нарисованы акварелью, а потом их вырезали и наклеили на мебель в какой-то старой квартире. На старую тяжёлую мебель с резными столбиками, сделанную в те времена, когда никто и понятия не имел о пластмассе, поролоне и автомобильных пробках. Прохожие на фоне этого пейзажа действительно казались призраками. Они даже не шли, а легко скользили над землёй, меняя цвета и, время от времени, становясь прозрачными... И вдруг иллюзия закончилась. Всё вокруг опять стало таким, как всегда.

Я обернулся к Славке, испугавшись, что не увижу её, что она исчезла вместе с этим видением, словно она была его частью. Но Славка не исчезла. Наоборот, её рука – я только через мгновение понял, что до сих пор держу её за руку, – кажется, стала куда более осязаемой, чем это полагается, в её изумрудных глазах играли тонкие лукавые огоньки.

– Что произошло? – почему-то шёпотом спросил я.

– Ничего особенного, – Славка безмятежно улыбалась, – Просто зашло солнце. Это ведь бывает каждый вечер...